Keywords: *participativeness, public administration, management, public choice, citizen participation, public administration, management technologies, protest movement, democratic practice.*

References

1. Martynova S. Modern Russian society in the context of anthroposocietal approach // Annals of Anthropological Practice. 2018. №42. P. 19-28.
2. Martynova S.E. Racional'nost' aktora postindustrial'nogo obshchestva: istoki i sledstviya dlya konstruirovaniya social'nyh tekhnologij upravleniya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2018 №3. P. 67-77.
3. Martynova S.E. «Servisnaya» model' municipal'nogo upravleniya v sociologicheskoj interpretacii. SPb.: Social'no-gumanitarnoe znanie, 2015. 348 p.
4. Potekhin V.A. Razvitie vzaimodejstviya gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva kak uslovie modernizacii upravlencheskoj deyatel'nosti // Vlast'. 2010. № 8. P. 59-64.
5. SHatilov A.B. Elektoral'no-politicheskaya aktivnost' v rossijskih regionah v period 2013-2017 godov: stabil'nost' i/ili innovacionnoe razvitie // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2017. №6. P. 81-87.
6. Welch E.W. The Rise of Participative Technologies in Government. Transformational Government Through eGov Practice: Socio-Economic, Cultural, and Technological Issues // Emerald Group Publishing Limited. 2012. №1. P. 347-367.
7. Tai K., Porumbescu G., Shon J. Can e-participation stimulate offline citizen participation: an empirical test with practical implications//Public Management Review. 2020. №2. PP. 278-296.
8. Cordella A., Iannacci F. Information systems in the public sector: The e-government enactment frame-work // The Journal of Strategic Information Systems. 2010. №1. R. 52–66. doi:10.1016/j.jsis.2010.01.001.
9. Offe C. Referendum vs. Institutionalized Deliberation: What Democratic Theorists Can Learn from the 2016 Brexit Decision // Daedalus. 2017. №3. P. 14-27.
10. Martynova S.E., Evarovich S.A. Participative HR-Technologies in the Governance of the Russian Re-gions // SPACE AND CULTURE, INDIA. 2018. №4. P. 36-47.
11. Sokolov A.V. Dinamika protestnoj aktivnosti v sub"ektah Rossijskoj Federacii // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. №2. P. 262-267.
12. Halij I.A., Pod"yachyov K.V. Krym i Sevastopol' – regulyarnye transformacii ili ustojchivoe postoyanstvo? // Rossiya reformiruyushchayasya. 2016. №14. P. 254-281.

УДК 327:339.9 DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-290-295

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: МЕСТО И РОЛЬ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Фаздалова Рамзия аспирант, Пекинский университет иностранных языков (Китай, г. Пекин).
E-mail: 1910273054@qq.com

Аннотация

Китайско-российские отношения играют важную роль в структурировании всего международного порядка. Тем не менее, их содержание и динамика на субнациональном уровне остается, как правило, вне внимания исследователей и теоретического объяснения. В данной статье анализируется современное состояние и динамика двусторонних отношений на уровне отдельного региона – Республики Татарстан. Анализ имеющихся данных показал, что китайско-российские отношения в регионе, хотя и присутствуют, носят сравнительно ограниченный характер. Предложен объяснительный подход, основанный на оценке интересов и положения как государственных акторов, так и региональных. Сделан вывод, что главным интересантом и потенциальным драйвером развития внешних связей Татарстана является руководство республики.

Ключевые слова*: китайско-российские отношения, Татарстан, региональное сотрудничество, КНР, РФ, экономические отношения, парадипломатия, международные отношения, глобальная безопасность.*

Введение

Китайско-российские отношения играют важную роль во всей современной системе международных отношений и являются постоянным объектом мониторинга и анализа в академическом сообществе, профильных «мозговых центрах» и аналитических подразделениях дипломатических ведомств и международных организаций (см., напр. [1-4]). Основное внимание при этом, как правило, уделяется вопросам стратегической безопасности и экономического развития. В сфере глобальной безопасности китайско-российское взаимодействие, как считается,

необходимо рассматривать, прежде всего через призму сложных отношений в треугольнике «КНР-США-Россия», в рамках которых РФ зачастую рассматривается как потенциальный «младший партнер» одной из двух сверхдержав. Однако это взаимодействие является также фактором региональной безопасности при решении ряда международных проблем, таких как ядерная программа КНДР или ситуация в Арктике. С экономической точки зрения, китайско-российские отношения связаны, прежде всего, с вопросами в области энергетики и организации транспортных коридоров из Азии в Европу.

Аналитики и исследователи, изучающие китайско-российские отношения, в большинстве случаев фокусируются на национальном уровне взаимодействия двух стран, тогда как субнациональный уровень такого сотрудничества во-многом остается недооцененным. В настоящей статье предпринята попытка показать специфику политического анализа китайско-российских отношений на региональном (субнациональном) уровне, основанная на представлении о существовании различных типов акторов и их интересов. В качестве объекта изучения выступает один из крупнейших российских регионов – Республика Татарстан. Хотя китайско-российские отношения на региональном уровне иногда становятся объектом исследования, они, как правило, ограничены общей характеристикой и описанием экономических и гуманитарных связей, без попыток поместить их в более широкий аналитический контекст (см., напр. [5-7]). Устранению этого недостатка и посвящено настоящее исследование.

Общая характеристика места Республики Татарстан в современных китайско-российских отношениях

Татарстан – один из крупнейших российских регионов, имеющий статус республики и входящий в Приволжский федеральный округ (ПФО). Республика входит в десятку регионов с наибольшей численностью населения, имеет развитую систему подготовки кадров и диверсифицированную экономику. По величине валового регионального продукта Татарстан занимает первое место в ПФО и шестое – в России; его вклад в общероссийский ВРП составляет чуть меньше 3%[1].

Несмотря на то, что Татарстан не является приграничным регионом, он является активным участником внешнеэкономической деятельности, в том числе с КНР. За первое полугодие 2020 года внешнеторговый оборот региона составил 6 млрд долл. США[2]. Вследствие глобального экономического спада, вызванного пандемией COVID-19, активность внешнеэкономической деятельности региона сократилась более чем на 21% за последний год. Тем не менее Татарстан остается одним из ведущих экспортеров и импортеров среди российских регионов, стабильно наращивая объемы экспортно-импортных операций в последние годы (рост более чем на 66% с 2016 по 2018 гг.). По сводным статистическим данным Федеральной таможенной службы РФ за первый квартал 2020 года, по объему внешнеторгового оборота Татарстан занял первое место в ПФО как по экспорту, так и по импорту[3]. В целом по стране республика является шестым по величине экспортером и девятым импортером.

Внешнеэкономическая деятельность Татарстана является экспортно-ориентированной; экспорт составляет приблизительно три четверти оборота. Татарстан является нефтепроизводящим регионом; неудивительно, что основную часть товарного экспорта образует продукция нефтяной и нефтехимической промышленности. В совокупности она составляет более 93% товарного экспорта (2018 г.). Однако экспортируется также и промышленная продукция. Основные экспортируемые товары: нефть, нефтепродукты, резиновые шины, грузовые автомобили, синтетический каучук, древесина. В свою очередь, импорт в республику включает в себя, прежде всего, промышленное оборудование, автокомпоненты, пластмассовые изделия, черные металлы.

Основными внешнеторговыми партнерами татарстанских компаний являются европейские страны; к числу крупнейших получателей экспортных товаров относятся Нидерланды, Польша, Великобритания и Германия, а также ряд других стран. Основные потоки импорта поступают из Германии, Китая и США. Место КНР во внешнеэкономической деятельности Татарстана сравнительно невысокое; по итогам первого полугодия 2020 г. его доля составила 5,7%

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. М.: Росстат, 2019.
[2] Внешнеторговый оборот в Республике Татарстан в январе-июне 2020 года / Татарстанстат. URL: https://tatstat.gks.ru/storage/mediabank/aCiQBLiM/i070016r.pdf
[3] Внешняя торговля субъектов Российской Федерации. Январь-март 2020 / ФТС. URL: http://customs.gov.ru/storage/document/document_statistics_file/2020-05/27/zvZ3/WEB_UTSA_SRF.xlsx

(5-е место)[1]. Однако следует отметить, что на фоне экономического кризиса и ухудшающихся отношений РФ со странами Запада, объемы внешней торговли с китайскими партнерами за последний год выросли: по сравнению с аналогичным периодом 2019 года экспорт увеличился на 71,4%, а импорт – на 33,7%. В отличие от европейских стран, торговые отношения Татарстана с Китаем смещены в сторону импорта, объем которого приблизительно в 2,5 раза превышает объем экспортных операций.

Однако торговля – не единственный предмет экономического сотрудничества двух стран в регионе. Большое значение российская сторона придает привлечению китайских инвестиций для масштабных инфраструктурных проектов. Татарстан традиционно является одним из самых привлекательных регионов для зарубежных инвесторов. По данным ЦБ РФ, на начало апреля 2020 года объем иностранных портфельных инвестиций в регионе составил 8,8 млрд долларов США[2].

Несмотря на почти двукратное падение по сравнению с началом года, это почти 99% всех привлеченных инвестиций в ПФО и 7,4% - в России. Что касается прямых инвестиций, но на апрель 2020 года их остаток составил чуть более 1,6 млрд долл. США, преимущественно в виде участия в капитале. Инвестиционная привлекательность Татарстана почти полностью ограничивается обрабатывающими производствами, финансовым сектором и добывающей промышленностью.

Китайские компании достаточно успешно инвестировали в Республику Татарстан; особенно высока их активность была в середине 2010-х годов [8]. В частности, в этот период китайские компании инвестировали в производство автомобилей на заводе «Алабуга», цементное производство в Дрожжановском районе, комплекс «Аммоний» в Менделеевске; одним из важнейших событий стал приход в республику крупнейшего мирового производителя бытовой техники Haier. Несмотря на опасения «китайской экспансии», характерные для регионального бизнеса в 2014-2015 гг., значительного роста инвестиций из КНР не произошло, а участие китайских компаний носило крайне осторожный и прагматичный характер. Китайские инвесторы продолжают проявлять интерес к региону; так, в 2019 году Агентство инвестиционного развития РТ посетили представители ряда китайских компаний (Джангхен Рус, Chongqing Shineray Agricultural Machinery Co и др.), а также делегации провинций Хубэй, Цзянси, Шаньдун, Хэйлунцзян, г. Хэцзэ[3]. В 2020 году, несмотря на пандемию, китайские компании вошли в четверку крупнейших источников новых инвестиций в регион; одним из главных инвесторов остается корпорация Haier[4].

Один из самых обсуждаемых инвестиционных проектов последних лет – строительство высокоскоростной магистрали (ВСМ) «Москва – Казань», которая должна была стать важным транспортным коридором для России, а в перспективе – связать современным скоростным железнодорожным сообщением Москву и Пекин. Предполагалось, что в проекте, который обсуждается с 2013 г., примут участие китайские компании, речь шла об инвестициях в размере 7 млрд долларов. Проект рассматривался как имеющий стратегическое значение для КНР в рамках его стратегии создания новых транспортных коридоров из Китая в Европу, и Татарстан стал привлекать особое внимание. В 2014 г. в Китай даже приехала официальная делегация из Татарстана во главе с президентом Р.Минниханом. Однако из-за высокой стоимости и неясных финансовых перспектив проекта ВСМ, а также западных санкций, проект к 2020 году так и не был начат.

Таким образом, экономическое сотрудничество КНР и России на региональном уровне в Татарстане остается хотя и довольно существенным, но сравнительно ограниченным. Это позволяет поставить вопрос: в какой мере региональные процессы международного сотрудничества определяются позицией и интересами различных акторов, как национальных, так и региональных.

---

[1] Внешнеторговый оборот в Республике Татарстан в январе-июне 2020 года / Татарстанстат. URL: https://tatstat.gks.ru/storage/mediabank/aCiQBLiM/i070016r.pdf

[2] Макроэкономическая финансовая статистика / ЦБ РФ. 2020. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm

[3] Визиты 2019 года / АИР РТ. 2020. URL: https://tida.tatarstan.ru/file/tida/File/%D0%92%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%82%D1%8B%202019.docx

[4] Денежные вливания: кто инвестирует в Татарстан во время эпидемии // РБК. 22.08.2020. – URL: https://rt.rbc.ru/tatarstan/22/08/2020/5f40bc9e9a794753a5f9ecbc

Китайско-российское сотрудничество в Татарстане как отражение стратегических интересов различных акторов

Сама по себе дескриптивная характеристика китайско-российских отношений в региональном разрезе, на наш взгляд, хотя и имеет определенную ценность для регионального уровня власти, недостаточна для научного понимания их в более широком контексте поведения политических и экономических акторов разного уровня. Рассмотрим позиции ключевых акторов как фактор, определяющий содержание и динамику регионального сотрудничества двух стран.

Как уже было отмечено выше, традиционно, китайско-российские отношения описываются в контексте взаимодействия акторов самого высокого – национально-политического уровня, и сосредоточены, прежде всего, в области геополитики и экономики. Общее содержание и направление китайско-российских отношений позволяет определить место в них татарстанской повестки.

Для КНР, сотрудничество с Россией представляет определенный экономический и геополитический интерес. В особенности Китай заинтересован в стабильности поставок энергоносителей и других природных ресурсов и возможном обеспечении выгодных транспортных маршрутов в Европу. Другие экономические мотивы, связанные с российским рынком сбыта и поиском объектов инвестирования, играют сравнительно меньшую роль. У стран также существуют общие интересы на международной политической арене, связанные с противостоянием США, однако в целом КНР демонстрирует прагматическую политику, ориентированную, прежде всего, на решение своих экономических задач. Необходимо отметить, что российское направление не является основным для внешней политики КНР. Приоритетное значение для Китая имеют отношения с США, а также со странами АТР: Японией, обеими Кореями, Индией и др. Учитывая несопоставимый масштаб экономик, Россия в экономическом плане имеет статус скорее регионального партнера.

С учетом сказанного, несложно видеть, что региональное экономическое сотрудничество, в частности в Татарстане, не может играть сколько-нибудь существенного и тем более стратегического значения для КНР. Потенциальная ценность региона могла бы быть повышена в случае успешного начала проекта ВМС, однако даже в этом случае ее значение ниже, чем значение планируемых транспортных коридоров в рамках инициативы «Один Пояс, Один Путь», а также перспектив освоения Северного морского пути.

Для России, ценность развития отношений с КНР несопоставимо выше. В условиях растущей изоляции и режима санкций, Китай становится главным потенциальным рынком сбыта, источником инвестиций и технологий, а также геополитическим союзником при взаимодействии с США. Это повышает мотивацию России к сотрудничеству, в том числе на региональном уровне. Татарстан не играет сколько-нибудь существенной роли в решении геополитических задач, которые могли бы быть непосредственно связаны с китайским направлением; скорее, значение имеет роль республики в отношениях с исламским миром. В экономическом же отношении, Татарстан заметно уступает регионам, являющимся основным источником экспорта в КНР, таким как регионы Сибири и Дальнего Востока.

Таким образом, ни для Китая, ни для России Татарстан не является стратегически значимым регионом, хотя его значимость для развития двусторонних отношений значительно выше для России. Однако анализ, ограничивающийся исключительно государственными акторами, был бы неполным без учета региональных и корпоративных акторов. Современная теория признает уникальность и важность т.н. «субнациональной дипломатии», или парадипломатии в решении многих важных вопросов международных отношений [9]. Имеющиеся данные позволяют заключить, что региональные акторы гораздо больше заинтересованы в развитии экономических отношений между КНР и РФ, поскольку реализуемые проекты напрямую влияют на уровень социально-экономического развития регионов.

К Татарстану проявляют интерес ряд провинций КНР, заинтересованных в продвижении продукции своих компаний на местном рынке. Однако учитывая глобальный охват китайского экспорта и относительно маленький размер российского и татарстанского рынка, такой интерес не выходит за рамки рутинной работы по поиску перспективных рынков или объектов инвестирования. То же самое касается корпоративных акторов, хотя для компаний, ориентированных на российский рынок Татарстан может считаться привлекательным и конкурентоспо-

собным регионом, не таким дорогим, как Москва, но имеющим достаточно развитую инфраструктуру, промышленную базу и развитую систему подготовки профессиональных кадров.

Наибольшая заинтересованность в расширении китайско-российского сотрудничества соответствует положению органов власти Татарстана. Несмотря на достаточно развитую экономику и диверсифицированный экспорт, резкий рост рисков на европейском направлении, в сочетании с сокращением глобального и национального спроса на фоне пандемии объективно повышают ценность сохранения старых и приобретения новых партнеров во внешнеэкономической деятельности, и китайское направление, наряду с турецким и арабским, выглядит наиболее привлекательным. Особую важность при этом имеет развитие экспортного направления внешнеэкономической деятельности. Однако возможности и активность руководства республики сдерживают два главных фактора. Во-первых, расширению китайского инвестиционного присутствия сопротивляются часть местной и, в некоторой степени национальной, бизнес-элиты. Это связано, в частности, с тем, что глобальные китайские производители создают дополнительную конкуренцию местным производителям, прежде всего, в обрабатывающей промышленности.

Второй ограничивающий фактор связан с ограниченными политическими возможностями субъектов в современной конфигурации системы государственного управления России. В ходе развития федеративных отношений в 1990-х годах многие регионы стали полноправными и активными субъектами международных отношений, и в полной мере это относилось к Татарстану [10]. Однако в течение последних 20 лет регионы потеряли значительную часть своей политической субъектности, в силу чего у них недостает ни ресурсов, ни мотивации для активного участия в развитии международных связей.

Заключение

Международные отношения на региональном уровне с политологической точки зрения необходимо рассматривать как отражение интересов и стратегий не только государственных, но также региональных и корпоративных акторов. В случае Татарстана китайско-российские отношения проявляются, прежде всего, в сравнительно небольших экономических и гуманитарных проектах. Во-многом это объясняется отсутствием особой значимости региона в контексте стратегических целей России и, в особенности, КНР. В отсутствие выраженной поддержки со стороны государственных акторов ведущая роль в развитии сотрудничества на региональном уровне принадлежит корпоративному сектору и региональным органам власти. Потенциально ключевым драйвером может стать руководство Республики Татарстан. Однако для реализации этого потенциала оно должно преодолеть сопротивление части местных элит и повысить собственную политическую самостоятельность.

Литература

1. *Wenzhao T., Shengwei X.* The US factor in post-cold war China-Russia relations // International Politics. 2020 (In press).
2. *Yoder B.K.* Theoretical rigor and the study of contemporary cases: explaining post-cold war China-Russia relations // International Politics. 2020. Vol.57. P. 741-759.
3. Korolev A., Portyakov V. Reluctant allies: system-unit dynamics and China-Russia relations // International Relations. 2019. Vol.33(1). P. 40-66.
4. *Saradzhyan S., Wyne A.* China-Russia relations: Same bed, different dreams? Why converging interests are unlikely to lead to a full-fledged alliance. Cambridge: Russia matters Project, 2018.
5. *Чжан Д., Кашбразиев Р.В.* Современное состояние и перспективы развития российско-китайского сотрудничества на региональном уровне (на примере Республики Татарстан) // Вестник Академии права и управления. 2020. №2. С. 58-66.
6. *Alikberova A.R., Alikberov E.Sh.* The Tatarstan-Chinese relations in the humanitarian sphere: forms of interaction // Journal of Sustainable Development. 2015. Vol.8. No.5. P. 71-79.
7. *Нуриева А.Р., Гибадуллин М.З.* Торгово-экономические связи Китайской Народной Республики и Республики Татарстан в условиях меняющейся конфигурации международных экономических отношений. В сб.: Россия-Китай: история и культура. Сборник статей и докладов участников XII Международной научно-практической конференции. Казань: ФЭН, 2019. С.371-377.
8. *Моисеев И.С.* Влияние экономической интеграции России с Китаем и Японией на инвестиции в Республику Татарстан // Международный молодежный симпозиум по управлению, экономике и финансам: Сб. статей. Казань: Solo Press, 2016. С.287-288.

9. *Kuznetsov A.S.* Theory and Practice of Paradyplomacy: Subnational governments in international affairs. London; New York: Routledge, 2015.
10. *Sharafutdinova G.* Paradiplomacy in the Russian regions: Tatarstan's Search for Statehood // Europe-Asia Studies. 2003. Vol. 55. No.4. P. 613-629.

***Fazdalova Ramziya*,** Graduate Student, Beijing University of Foreign Languages (China, Beijing).
E-mail: 1910273054@qq.com

REGIONAL ASPECTS OF CHINA-RUSSIA RELATIONS: THE ROLE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Abstract

China-Russia relations play an important role in contemporary international order. Despite this, their content and dynamics at the regional level generally remains outside the focus of researchers and theoretical explanation. The study analyzes current state and dynamics of bilateral relations at the level of one particular region: Republic of Tatarstan. The analysis showed that although the China-Russia relations play a role in the region, they are relatively limited. An explanatory approach, based on the assessment of both nation- and regional-level actors, is proposed. It is concluded that the major interesant and potential driver for the advancement of bilateral relations is the regional government of Tatarstan.

Keywords: *China-Russia relations, Tatarstan, regional cooperation, PRC, RF, economic relations, paradiplomacy, international relations, global security.*

References

1. Wenzhao T., Shengwei X. The US factor in post-cold war China-Russia relations // International Politics. 2020 (In press).
2. Yoder B.K. Theoretical rigor and the study of contemporary cases: explaining post-cold war China-Russia relations // International Politics. 2020. Vol.57. P. 741-759.
3. Korolev A., Portyakov V. Reluctant allies: system-unit dynamics and China-Russia relations // International Relations. 2019. Vol. 33 (1). P. 40-66.
4. Saradzhyan S., Wyne A. China-Russia relations: Same bed, different dreams? Why converging interests are unlikely to lead to a full-fledged alliance. Cambridge: Russia matters Project, 2018.
5. CHzhan D., Kashbraziev R.V. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossijsko-kitajskogo sotrudnichestva na regional'nom urovne (na primere Respubliki Tatarstan) // Vestnik Akade-mii prava i upravleniya. 2020. №2. P. 58-66.
6. Alikberova A.R., Alikberov E.Sh. The Tatarstan-Chinese relations in the humanitarian sphere: forms of interaction // Journal of Sustainable Development. 2015. Vol.8. No.5. P. 71-79.
7. Nurieva A.R., Gibadullin M.Z. Torgovo-ekonomicheskie svyazi Kitajskoj Narodnoj Respubliki i Respubliki Tatarstan v usloviyah menyayushchejsya konfiguracii mezhdunarodnyh ekonomicheskih otnoshenij. V sb.: Rossiya-Kitaj: istoriya i kul'tura. Sbornik statej i dokladov uchastnikov XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Kazan': FEN, 2019. P. 371-377.
8. Moiseev I.S. Vliyanie ekonomicheskoj integracii Rossii s Kitaem i YAponiej na investicii v Respubliku Tatarstan // Mezhdunarodnyj molodezhnyj simpozium po upravleniyu, ekonomike i finansam: Sb. statej. Kazan': Solo Press, 2016. P. 287-288.
9. Kuznetsov A.S. Theory and Practice of Paradyplomacy: Subnational governments in international affairs. London; New York: Routledge, 2015.
10. Sharafutdinova G. Paradiplomacy in the Russian regions: Tatarstan's Search for Statehood // Europe-Asia Studies. 2003. Vol. 55. No.4. P. 613-629.